

DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-5SE-637
УДК 377.8+378.09(047)“18”

Научная статья

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ НА ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ: МЕЖДУ КЛАССИЦИЗМОМ И РЕАЛИЗМОМ

Е.Ю. Жарова

***Обоснование.** Реформирование университетов в начале XIX в. создало уникальную систему равноправных факультетов, в связи с чем ранее подготовительный философский факультет, разделенный на словесный и физико-математический сменил задачу с подготовки будущих студентов-юристов и медиков на подготовку чиновников для государственной службы, в первую очередь – учителей для развивающейся сети школ. После принятия устава гимназий в 1828 г., ориентированного на классическую систему, государству нужны были учителя математики, однако в конце 1830-х гг. физико-математические факультеты были разделены на отделения математических и естественных наук, что не укладывалось в парадигму школьного образования, так как в гимназиях не было вакансий учителей естествознания. В статье доказывается выдвинутая гипотеза о школьной ориентации именно математических отделений и отсутствие таковой у естественных, в пользу которой говорит также отсутствие казенных вакансий для студентов-естественников.*

***Цель** – анализ политики министерства народного просвещения в сфере подготовки педагогических кадров для средней школы на физико-математических факультетах университетов Российской империи в XIX в.*

***Материалы и методы.** Основными методами исследования выступили историко-генетический и историко-сравнительный, кото-*

рые позволили описать изучаемое явление в его развитии и контексте реформирования средней школы. Исследование базируется на статистических данных, извлеченных из архивных документов и опубликованных в Журнале Министерства народного просвещения, а также публицистике с мнениями об организации педагогической подготовки в университетах, дебаты о которой развернулись в 1860-е гг.

Результаты. При организации равноправных физико-математических факультетов в начале XIX века министерство народного просвещения придало им функцию подготовки учителей для формирующейся сети средних школ, в особенности гимназий. Однако на открытые при университетах педагогические институты легла задача подготовки не только школьных педагогических кадров, но и университетских. К концу 1820-х гг. уже было понятно, что педагогические институты не справились с этими широкими полномочиями, поэтому функции разделили и подготовку учителей возложили на обновленные педагогические институты. В них поступали уже не выпускники, а студенты университетов. Важную роль в организации педагогических институтов по уставу 1835 г. сыграл новый устав гимназий 1828 г., который осуществил поворот к классическому образованию. Согласно этому уставу, гимназии не нуждались в учителях естественной истории, а только в учителях математики и физики. В этой связи принятое в 1836 г. деление физико-математических факультетов на отделения математических и естественных наук повлекло за собой разделение функций: на математические отделения легла подготовка учителей, тогда как естественные отделения были лишены такой возможности. Для них, судя по всему, предполагалась роль подготовки будущих хозяйственников – помещиков и чиновников. Педагогические институты при университетах были закрыты в 1850-е гг., а в 1860 г. им на смену пришли педагогические курсы. Новый устав гимназий 1864 г., в какой-то мере ориентированный на реальное образование, просуществовал недолго и был окончательно заменен классическим в 1871 г. Победа лобби классицизма в министерстве повлияла и на подготовку педагогических кадров в университетах: педагогические курсы были закрыты в 1866 г., а физико-математический факультет

остался вообще без какой бы то ни было педагогической подготовки. В классических гимназиях на естествознание выделялось очень мало часов (2 недельных часа в течение 1 года), а реальное образование не давало права выпускникам поступать в университеты. Даже несмотря на то, что естественные науки входили в курс обучения реальных училищ в гораздо большем объеме, оно было все же ориентировано на технические учебные заведения. Это создавало своеобразный замкнутый круг: выпускники гимназий поступали в университеты, но гимназии не давали хорошую подготовку по естествознанию, которое изучалось на естественных отделениях, выпускники этих отделений могли рассчитывать на вакансии не в гимназиях, а в реальных училищах и других типах школ, выпускники которых не принимались в университеты без экзаменов.

Ключевые слова: Российская империя; университеты; физико-математические факультеты; естественные отделения; профессионализация; подготовка учителей; педагогические институты; гимназии; реальные училища

Для цитирования. Жарова Е.Ю. Подготовка учителей на физико-математических факультетах университетов Российской империи в XIX веке: между классицизмом и реализмом // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Т. 15, № 5SE. С. 54-84. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-5SE-637

Original article

TEACHER TRAINING AT PHYSICS AND MATHEMATICS FACULTIES OF UNIVERSITIES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH CENTURY: BETWEEN CLASSICISM AND REALISM

E.Yu. Zharova

Background. *The reforms of universities in the early 19th century created a unique system of equal faculties: the previously preparatory*

faculty of philosophy divided into two faculties, one is history and philology and another one is physics and mathematics that changed the task from training future law and medical students to training staff for public service, primarily teachers for the developing network of schools. In 1828 the new statute of gymnasiums appeared, it was oriented towards the classical system that's why the state needed mathematics teachers, but in the late 1830s physics and mathematics faculties were divided into departments of mathematical and natural sciences. This did not fit into the paradigm of school education, as there were no vacancies for science teachers in gymnasiums. The author proves the hypothesis about the school orientation of mathematics departments and the absence of it for the natural sciences departments. This hypothesis is also supported by the absence of state vacancies for natural sciences students.

Purpose is to analyze the politics of the Ministry of Public Education in the sphere of training of pedagogical staff for secondary schools at the physics and mathematics departments of the universities of the Russian Empire in the 19th century.

Materials and methods. The main research methods were historical-genetic and historical-comparative, which allowed to describe the studied phenomenon in its development and in the context of secondary school reforming. This research is based on statistical data extracted from archival documents and published in the Journal of the Ministry of Public Education, as well as opinion pieces on the organisation of teacher training at universities, which developed in the 1860s.

Results. When physics and mathematics faculties appeared in the early 19th century, the Ministry of Public Education gave them the function of training teachers for the forming network of secondary schools, especially gymnasiums. However, the pedagogical institutes opened at universities had the task of training not only school teachers but also university teachers. By the end of the 1820s it was already clear that the pedagogical institutes could not cope with these broad powers, so the functions were divided and teacher training was entrusted to the renewed pedagogical institutes. University students, rather than graduates, were enrolled in them. An important role in the organization of pedagogical institutes under the statute

of 1835 belonged to the new statute of gymnasiums of 1828, which made a turn to classical education. According to this law, gymnasiums did not need teachers of natural history, but only teachers of mathematics and physics. In this connection, the division of physics and mathematics faculties into departments of mathematical and natural sciences, adopted in 1836, entailed a division of functions: the mathematical departments were responsible for training teachers, while the natural sciences departments were deprived of such an opportunity. Apparently, the goal of training future economic managers such as landlords and public staff was envisioned for them. The pedagogical institutes were closed in the 1850s, and in 1860 they were replaced by pedagogical courses. The new statute of gymnasiums of 1864, somewhat oriented towards real education, did not last long and was finally replaced by the classical one in 1871. The victory of the classicist lobby in the ministry also affected the training of pedagogical staff at universities: pedagogical courses were closed in 1866, and the faculty of physics and mathematics was left without any pedagogical training at all. Classical gymnasiums allocated very few hours (2 hours per week during only one year) to natural science, and real education did not entitle graduates to enter universities. Even though natural sciences were included in the course of study of real schools in a larger number, they were more oriented to technical high schools. This created a kind of vicious circle: graduates of gymnasiums entered universities, but gymnasiums did not give a good preparation in natural science, which was studied at the natural sciences departments, graduates of these departments could count on vacancies not in gymnasiums, but in real schools and other types of schools, graduates of which were not admitted to universities without examinations.

Keywords: Russian Empire; universities; physics and mathematics faculties; natural sciences departments; professionalization; teacher training; pedagogical institutes; gymnasiums; real schools

For citation. Zharova E.Yu. Teacher Training at Physics and Mathematics Faculties of Universities in the Russian Empire in the 19th Century: between Classicism and Realism. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2024, vol. 15, no. 5SE, pp. 54-84. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-5SE-637

Введение

Начало складывания образовательной системы Российской империи традиционно связывают с принятием комплекса законодательных актов в 1802-1804 гг. Однако развитие этой системы было не линейным, поэтому университетская история рассматривается через парадигму либеральных и консервативных уставов, а история средней школы – через борьбу между классическим и реальным образованием. И в центре этого, между школьной и университетской историей, находится история подготовки учительских кадров в высших учебных заведениях, которая оказывается немного отодвинутой на задний план, в отличие от подготовки учителей в средних профессиональных школах [21]. Отечественная историография университетов и гимназий, насчитывает, без преувеличения, сотни наименований, рассматривающих историю этих учебных заведений с разных сторон. Отдельно следует выделить публикации по истории Главного Педагогического института [13; 17; 34], рассматривающие его как педагогическое учреждение особого вида. Что же касается подготовки учителей, то, несмотря на существование публикаций по истории педагогических институтов университетов обобщающего характера [7; 12; 32; 35], исследователи предпочитают более детальное изучение подготовки учителей в других типах учебных заведений [5; 15; 20; 24], а также российского учительства как особой общности [4; 6; 9; 10].

В этой связи автор ставит целью не только проанализировать политику министерства народного просвещения в отношении подготовки учителей при университетах, но и сфокусироваться на зависимости этого процесса от реформирования школьного образования, в связи с чем произошло сокращение естественнонаучных дисциплин из-за поворота в сторону классического образования и превалирования древних языков в обучении.

Материалы и методы

Уже в 1860-е гг., когда возникла необходимость в реформировании педагогической подготовки в университетах, министерство народного просвещения начало собирать отзывы участвовавших

в процессе и статистические данные, связанные с количеством и специальностями учителей, выпущенных университетами. Достаточно аккуратно статистика, в том числе в отношении различных учреждений при университетах, включая педагогические институты, собиралась в период царствования Николая I. Эти данные, сосредоточенные в отчетах университетов, а также материалы министерства народного просвещения из дел РГИА о педагогических курсах и опубликованные в Журнале министерства народного просвещения, составили основную часть проанализированных в статье численных данных. Еще одним источником статистических материалов выступили показатели, приведенные в трудах по истории отдельных университетов, опубликованных на рубеже XIX–XX вв. и посвященных их ранней истории. Все статистические данные, использованные в статье (если не указано иное), получены автором из университетских отчетов, находящихся в РГИА (Ф. 733. Оп. 95).

Основные методы, примененные в исследовании, это историко-генетический и историко-сравнительный. Первый позволил раскрыть зарождение и развитие педагогических институтов и курсов как институций подготовки учителей для гимназий и других типов школ в университетах, а второй помог понять особенности этих институций в разных университетах в контексте реформирования средних школ.

Результаты и обсуждение

«К чему же должен существовать при университете математический факультет?», – задавался вопросом профессор прикладной математики Московского университета Н.Д. Брашман в 1850 г. [ОПИ ГИМ. Ф. 381. Д. 29. Л. 105об.].

Физико-математический факультет, созданный в начале XIX в. в качестве некоего эксперимента, в отличие от медицинского или юридического, не предоставлял выпускнику очевидный карьерный путь. Даже создатели устава 1804 г. считали, что выпускники физмата (причем, лучшие из выпускников – кандидаты) смогут поступить в создаваемые при университетах педагогические инсти-

туты, в которых получают профессию учителя, и только после этого отправятся в гимназии. Уездные училища предполагались для неуспевающих студентов, которые не сумели окончить полный курс обучения, именно такой формулировкой при составлении отчетов пользовались, описывая в них назначения воспитанников педагогических институтов.

Составителей устава 1804 г. можно понять, ведь новая структура факультетов отличалась от привычной, где философский факультет выступал подготовительным для юридического и медицинского, дававших «настоящую» профессию. Автором новой структуры был академик-математик Н.И. Фусс, который готовил учебную часть устава. Он был сторонником французской системы разделения наук [1, с. 397] (не просто так в уставе 1804 г. факультеты названы отделениями сообразно таковым в академии наук), благодаря чему в начале XIX в. в России появилась новая факультетская структура университетов с равноправными факультетами. И благодаря чему родился физико-математический факультет, который закладывал фундамент для дальнейшего развития точных и естественных наук. Можно говорить о том, что структура с равными факультетами была передовой, но это не отрицает того факта, что, кажется, и сами создатели не вполне понимали, зачем нужны равноправные факультеты, ведь сам Н.И. Фусс в первоначальном проекте предполагал физмат подготовительным факультетом для будущих студентов-медиков [31, с. 395].

До появления устава 1835 г. педагогические институты при университетах должны были готовить не только учителей, но и преподавателей [ПСЗРИ-1. Т. 28 (1804-1805). № 21498], т.е. выступали некоего рода аспирантурой, а скорее даже неким симбиозом аспирантуры и докторантуры [28, с. 289]. Это было связано с тем, что педагогические институты предполагались в качестве центров подготовки кадров разного уровня. Не слишком успевающие студенты до окончания курса обучения выпускались учителями уездных училищ, окончившие же курс студенты шли в учителя гимназий, а лучшие из них получали степень магистра или либо оставались в уни-

верситетах на должностях адъюнктов, либо готовили докторскую диссертацию. Как обычно это бывало, педагогические институты не совсем правились с задачей подготовки педагогических и научных кадров.

Д.И. Багaley приводил данные о карьерном пути первых выпускников Харьковского университета (за 1808-1812 гг.), в соответствии с которыми «значительная часть студентов оставляла университет, не окончив курса, и поступала в военную и гражданскую службу или шла в учителя уездных училищ. [...] В учителя гимназии и уездных училищ поступило больше всего – 83 чел., на гражданскую службу – 39 чел., в военную – 18» [2, с. 823]. За период с 1822 по 1829 г. учителями стали 56 кандидатов и действительных студентов университета, при этом в гимназии – 11, в училищах – 45 человек [3, с. 889]. К сожалению, данные историка не дают возможности судить о специализации учителей. Однако это позволяют сделать материалы РГИА, благодаря которым становится понятно, что учителями математики за 1822-29 гг. стало 16 человек, и по одному человеку по естественным наукам и химии и по технологии [РГИА. Ф. 733 Оп. 89 Д. 56. Л. 43-48.].

В Казанском университете до появления педагогического института в 1812 г. в среднюю школу направляли и выпускников, и студентов. Так, Н.П. Загоскин писал о том, что в 1806-1807 гг. назначения получили 10 студентов, из них 5 по математике и 1 по естественным наукам [11, с. 615], однако не все из них в итоге стали учителями. Он же приводит данные о количестве студентов, кандидатов и учителей за первые 14 лет существования Казанского университета (1804-1819). Из 955 студентов только 124 окончило курс, из них 44 со степенью кандидата, из них 22 стали учителями. При этом 17 из этих 22 учителей были выпущены уже после открытия педагогического института [11, с. 72, 624]. Хорошо известный попечитель М.Л. Магницкий к педагогическому институту и его деятельности отнесся скептически: «В противность устава и существенной пользы учебного округа Казанского университета Институт педагогический существует при нем только именем, и весьма странным образом. Те

самые студенты, кои живут в университете, окончив якобы академический курс наук, числом два, под именем кандидатов почитаются Педагогическим институтом. Преподавателями сего мнимого института считаются два магистра. Ни книг, ни других пособий, ни преподаваний в институте, и даже комнаты для одного нет. Есть одно действительно существующее в сем воображительном заведении: прибавка к жалованью профессора, именуемого директором, и целый почти особенный дом для его помещения» [19, с. 127]. Как бы мы ни относились к фигуре попечителя, но и современные авторы признают, что «насколько стабильно работал институт в период с 1812 по 1840 сложно сказать, известно, что первое время он просто числился на бумаге из-за нехватки преподавательского состава» [35, с. 162]. Более того, студентам ничто не мешало поступать на учительские вакансии и без педагогического института, штат которого был ограничен 24 казенными местами [РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 616. Л. 20а об.]. Выпускники университетов чаще поступали в уездные училища, так как их было значительно больше, чем гимназий и, соответственно, мест в них тоже было больше. Особенно это касалось небогатых студентов.

В отношении физико-математических факультетов и выпускаемых оттуда потенциальных учителей важную роль сыграли уставы гимназий, которые определили круг наук, в них преподаваемых. Согласно уставу 1804 г. в гимназиях преподавались 1) физика и математика и 2) естественная история с технологией и коммерческими науками [ПСЗРИ-1. Т. 28 (1804-1805). № 21501]. Для каждого предмета требовался один учитель. В 1828 г. предметы были сокращены до математики и высших частей математики с физикой [ПСЗРИ-2. Т. 3 (1828). № 2502], в результате чего естественная история оказалась университетской дисциплиной. В уездных училищах до устава 1828 г. один учитель преподавал арифметику, геометрию, начальные основания физики, естественной истории и технологии, а также историю и географию [ПСЗРИ-1. Т. 28 (1804-1805). № 21501], а после 1828 г. – арифметику и геометрию [ПСЗРИ-1. Т. 28 (1804-1805). № 21501]. В соответствии с этими законодательными актами

в 1830-е гг. в школах должны были остаться исключительно вакансии учителей математики. Однако следующим шагом, который был предпринят в отношении физико-математических факультетов, оказалось разделение их на отделения математических и естественных наук в 1836 г. При этом казеннокоштные студенты могли быть только на первом, математическом отделении, ведь стране нужны были исключительно учителя физики и математики: «Выбор факультета или особого разряда наук предоставлен собственному произволу для свое-коштных Студентов и вольнослушающих; но казенно-коштные, как готовящиеся к занятию в последствии учительских вакансий в гимназиях, могут избирать токмо Философский Факультет, и притом слушать лекции, в обоих отделениях оного факультета, только по разрядам Общей Словесности и Математических наук» [16, с. 51].

В 1830-е гг. изменился и подход к университетским педагогическим институтам, в которые теперь принимали не выпускников университетов, а выпускников гимназий, которые поступали в университет на казенный кошт, чтобы в будущем стать учителями. Собственно, казеннокоштные студенты двух старших курсов философского факультета (а точнее отделений словесности и математических наук) и составляли педагогический институт, рассчитанный на 20 воспитанников [ПСЗРИ-2. Т. 10 (1835). № 8337]. В педагогическом институте могли учиться и своекоштные студенты, и пансионеры, однако вакансии они получали только тогда, когда обещали отслужить по учебному ведомству не менее 6 лет, как это и полагалось для казенных воспитанников. Таким образом, после принятия устава 1835 г. и последующего разделения физмата на математическое и естественное отделения, именно математическое отделение предполагалось для подготовки учителей, а естественное – для подготовки будущих землевладельцев или гражданских чиновников, которые могли позволить себе быть своекоштными студентами.

Несмотря на ориентацию на классическое образование в 1828 г., в 1836 г. появилась инициатива министра финансов графа Е.Ф. Канкринна об открытии реальных отделений. Согласно ей в 1839 г. было принято постановление о реальных отделениях при некото-

рых гимназиях и уездных училищах. В этих реальных классах среди прочего преподавалась химия [31, с. 274]. Однако целью этих многочисленных реальных отделений была подготовка к практической деятельности, а не к поступлению на естественные отделения физматов, ведь предназначались они для детей свободных состояний недворянских сословий.

Расширение курса естественных наук в гимназиях состоялось только в 1851 г., когда из преподаваемых дисциплин был исключен греческий язык, замененный на естествознание. Однако это касалось только тех гимназий, в которых он преподавался, а преподавался он в 45 из 74. Оставили греческий только в 14 гимназиях университетских городов и территорий проживания греческого населения [8]. Подобный поворот означал начало отказа от классической системы, введенной в 1828 г., и необходимость в учителях естественной истории, которые не готовились в педагогических институтах, так как казенные места предназначались для учителей физики и математики, т.е. студентов математических отделений. Например, по данным Харьковского университета, за период с 1843 по 1863 гг. (последние выпуски казенных студентов, т.к. институт был закрыт в 1858 г.) естественное отделение там закончило только 3 казенно-коштных студента [25, с. 24-63], которые, возможно, готовились для существовавших реальных отделений некоторых гимназий. Материалы Казанского университета говорят об 1 казенном студенте, учившемся на естественном отделении в 1840-41 учебном году. Да и то, указано, что он не был утвержден на казенный кошт [РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 541. Л. 25], поэтому в следующем году этого студента в списках казенных уже нет. Кстати, в Казанском университете с 1841 по 1856 гг. училось 843 математика и 246 естественников. Нужно помнить, что в Казанском университете, самом восточном, была другая ситуация, поэтому студенты выбирали математическое отделение именно из-за сложностей материального характера и необходимости искать работу в дальнейшем. Кроме того, в 1844-65 гг. Казанском университете существовало камеральное отделение, выпускники которого готовились к государственной службе в от-

раслях, связанных с сельским хозяйством, поэтому потенциальные студенты-естественники Казанского университета скорее шли туда, чем на мало понятный в отношении профессионализации физмат. В отличие от того же Харьковского университета или Петербургского, число выпускников обоих отделений которых было примерно одинаковым (за период с 1846 по 1859 год математиков, соответственно, 96 и 91, а естественников 108 и 97 и только в 1860-е число естественников начинает значительно превышать число математиков).

В педагогическом институте Казанского университета, кстати, помимо 20 штатных мест, было еще 24 места для учеников сибирских гимназий и 5 для Белорусского учебного округа, а во второй половине 1840-х гг. в институте обучались стипендиаты в том числе университета святого Владимира и Кавказского учебного округа, однако количество выпускников было довольно скромным. За период с 1836 по 1850 г., когда институт был закрыт и заменен кафедрой педагогики, было выпущено 19 учителей математики и 38 учителей истории, словесности и языков. О довольно скромных результатах говорят и данные по педагогическому институту Московского университета, из которого было выпущено 83 учителя за период с 1836 по 1859 год. К сожалению, в отчетах Московского университета практически никогда не указывалась специальность, поэтому по ним невозможно сказать, сколько было выпущено учителей-гуманитариев, а сколько математиков. Однако ясно одно: гимназиям по уставу 1828 г. требовалось гораздо больше учителей истории, словесности и иностранных языков (древних и новых), чем учителей математики. Поэтому неудивительно, что после закрытия педагогического института и открытия кафедры педагогики, заменившей кафедру философии, упраздненной на историко-филологическом факультете, именно студентам этого факультета было обязательно посещать педагогические лекции [РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 602. Л. 151].

По данным Петербургского университета мы можем частично оценить предпочтения выпускников естественного отделения. За период с 1841 до 1863 г. из 202 выпускников Петербургского университета [РГИА Ф. 733. Оп. 147. Д. 366. Л. 19об.-69] 27 стали

учителями и чиновниками министерства народного просвещения, 29 – профессорами и сотрудниками вузов и академии наук, 24 – чиновниками других ведомств, 10 – военными, 3 – врачами, 12 занимались литературной деятельностью, были помещиками или промышленниками, т.е. не находились на государственной службе (судьба 97 не установлена). Т.е. не только казенные студенты, но и своекоштные выбирали для себя учительскую карьеру, хотя в этот период реальных гимназий было мало, поэтому часть преподавала в учебных учреждениях других ведомств (например, императрицы Марии или военных училищах) или в частных учебных заведениях, или математику и физику, а не естественные науки.

Вопрос о цели физико-математических факультетов был непосредственно связан с реформой школы. При классическом образовании естественные отделения оказывались некой вещью в себе, на которые еще и принимались только своекоштные студенты, которые впоследствии сами должны были искать себе работу, а учительские должности для них даже не включали естественнонаучные дисциплины. Понятно, что часть выпускников и не рассматривала для себя учительскую карьеру, но тем, кто был вынужден идти в школу, приходилось менять профиль. Изначально такая возможность у них была, ведь в 1840-50-е гг. студенты-естественники изучали и физику, и математику. Но в 1860-е гг. математика начала покидать учебные планы естественных отделений, что привело к сужению поля карьерных возможностей.

В классические гимназии естественная история вернулась в 1864 г. В реальных гимназиях преподавались те же предметы естественнонаучного цикла, что и в классических, только в большем объеме, а также естественная история «с присоединением к ней химии» [ПСЗРИ-3. Т. 39 (1864). Ч. 2. № 41472]. Однако было одно «но»: в университет могли поступать только выпускники классических гимназий, изучавшие латинский язык, отсутствовавший в программе реальных гимназий. Это особенно подчеркивалось представителями университетов, которые понимали, что классические гимназии не готовят абитуриентов для медицинского и физико-математического

факультетов [23, с. 23-24]. Но развернувшиеся в университетской и околонуниверситетской среде баталии никак не повлияли на решение министерства народного просвещения допускать в университет только выпускников классических гимназий.

Тогда же была реформирована система подготовки учителей в университетах: в 1860 г. были открыты педагогические курсы для выпускников, т.е. произошел возврат к той же системе подготовки педагогических кадров, которая существовала в первой трети XIX века. Основными причинами закрытия предыдущих версий педагогических институтов с казенными студентами были: «1) в заведения эти поступали часто молодые люди, не имеющие ни способностей, ни склонности к педагогическим занятиям, и 2) в самых институтах будущие педагоги почти исключительно занимались научным своим образованием и не имели необходимой для них педагогической практики. Сверх того, закрытость этих заведений признавалась неудобною при значительном числе молодых людей, живущих вместе, и при том возрасте, в котором они находились» [22, с. 27].

При обсуждении проекта педагогических курсов университеты просили больше мест, чем в итоге получили. Комплекты педагогических институтов до упразднения в 1850-е гг. насчитывали 110 человек при 5 университетах (30 при университете святого Владимира и по 20 у всех остальных, кроме Дерптского), не считая 100 мест Главного Педагогического института, тоже упраздненного в 1858 г. Однако следует понимать, что не всегда все места были заполнены. Примерно на такое же количество стипендий рассчитывали в университетах и для педагогических курсов, однако в итоге общее число их оказалось равным 67, не считая 10 стипендий Дерптского университета. При этом в соответствии с данными министерства народного просвещения за 10 лет (с 1848 по 1858 г.) в гимназиях было замещено 1318 учительских вакансий, из которых по русской словесности 173, по математике и физике 208, по истории 117, по естественной истории 79, по латинскому языку 96 [РГИА. Ф. 733. Оп. 90 Д. 178. Л. 182об.-183], что составляет 673 вакансии или 67,3 вакансии в год. Но в гимназиях еще требовались учителя географии,

греческого и новых языков, именно по этой причине в замечаниях на проектируемые педагогические курсы подчеркивалась необходимость готовить учителей по двум близким специальностям [РГИА. Ф. 733. Оп. 90 Д. 178. Л. 49].

Через три года после открытия педагогических курсов министерство собрало мнения об их недостатках. Причинами недостаточного выпуска подготовленных к педагогической деятельности выпускников назывались следующие: 1) ограниченное число стипендий (своекоштные студенты курсов уходили как только находили вакансии, так как курсы не были обязательными), 2) недостаточное материальное обеспечение (в провинции стипендии были 300 рублей в год, в столичных университетах – 350), заставлявшее учившихся на курсах или брать частные уроки, или устраиваться в школы, что также лишало курсы смысла, 3) слишком объемные отделы, в которых объединялось много дисциплин (например, естественная история, в которую входили ботаника, зоология, минералогия, объединялась с географией), а также 4) регламентация занятий, которая не соответствовала возрасту слушателей [РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 84. Л. 2-6об.]. В 1863 г., на фоне очередного польского восстания, приоритетом подготовки учителей выступила необходимость отправки в западные губернии «природных русских», на что министерство выделило 60 дополнительных стипендий [22, с. 28], к которым присоединились еще 30 при Дерптском университете в 1864 г. В итоге со всеми изменениями в 1865 г. существовало 259 стипендий для подготовки учителей, из которых 106 полагалось только для 8 западных губерний, а на все остальные выделялось 153 стипендии (сюда не включались Остзейские губернии), из которых на Петербургский учебный округ – всего 12 стипендий [22, с. 29]. При этом, из-за увеличения количества стипендий без изменения объема финансирования, ежегодные стипендии оказывались меньше положенных 300 рублей.

Из-за большого количества часов, выделенных на древние и новые языки, самая существенная проблема с кадрами ощущалась именно в этих дисциплинах. Не хватало также учителей математики. Выхо-

дом из этой ситуации университетам виделось учреждение особых семинарских курсов при некоторых кафедрах, посещение которых позволило бы студентам старших курсов подготовиться к педагогической профессии. Учитывая то, что в 1863 г. кафедры педагогики были упразднены, необходимость в подобном шаге была очевидна особенно в связи с тем, что наставниками слушателей курсов выступали педагоги гимназий, к которым они прикреплялись, что лишало университет наставнической функции. Высказывались мнения о необходимости подготовки учителей при университетах на основе стипендий, с обязательным присутствием теоретического и практического преподавания и без необходимости (вос)создания учебных заведений в особенности закрытого типа, каковым был упраздненный Главный педагогический институт. Но вместо реформирования педагогических курсов они были закрыты в 1866 г., а в 1867 г. был учрежден историко-филологический институт.

Необходимость учреждения именно историко-филологического института объяснялась потребностью в учителях языков (в первую очередь древних, а также русского и новых иностранных), истории и географии. Кроме того, историко-филологические факультеты университетов были малочисленны, поэтому не могли подготовить достаточное число учителей, ведь в некоторых университетах количество выпускников истфилов было в 3 раза меньше, чем таковых физматов [27, с. 176]. Министерство народного просвещения же считало, что «физико-математические факультеты наших университетов в настоящее время богаты числом слушателей и доставляют гимназиям достаточное число учителей математики, физики и естественных наук, тогда как по малочисленности студентов в историко-филологических факультетах, оказывается настоящий недостаток в учителях древних языков и даже русского языка, истории и географии. Сверх того, особое специальное приготовление по математическим наукам, по причине точности их содержания и строгой определенности метода их преподавания, менее необходимо, чем по предметам историко-филологического факультета» [РГИА. Ф. 733 Оп. 147. Д. 616. Л. 20об.].

Надо сказать, что несмотря на голоса сторонников реального образования и его практической пользы, среди которых был и министр народного просвещения в 1861-66 гг. А.В. Головин, простые обыватели, отдававшие своих детей в гимназии, желали иметь понятную «дорожную карту», поэтому при получении новостей о реформировании гимназий из классических в реальные родители учеников просили с их гимназиями этого не делать. В курс реальных гимназий так и не был включен латинский язык, что не позволяло реалистам поступать в университеты. В конце концов был принят курс на классическое образование, которое признавалось самым подходящим для будущих универсантов. В аналитических статьях, публиковавшихся в конце 1860-х – начале 1870-х гг., подчеркивалось, что выпускники классических гимназий все чаще выбирали для себя высшие технические школы, для учебы в которых было необходимо знание математики и физики: «... из казенных только гимназий С.-Петербургского округа поступило в институт инженеров путей сообщения: в 1866 г. – 4 человека, в 1867 г. – 6, в 1868 г. – 7, в 1869 г. – 9, а в 1870 г. – 16 человек» [30, с. 184]. Поэтому необходимости в реальном образовании не было.

Анализ существования тех самых первых реальных гимназий, учрежденных в конце 1830-х гг. говорил о том, что предпочтение отдавалось классическим гимназиям. В пример приводились результаты по 3-й Московской гимназии, открытой по положению 1839 г.: «... не смотря на несомненные свои достоинства, не смотря на заботливое ведение преподавания, реальный курс третьей Московской гимназии не принес всей той пользы, какая от него ожидалась, и с 1841 по 1866 год в реальном отделении было всего 593 ученика, а в классическом 2997 (то есть, в 5 раз более), окончило курс за то же время по реальному отделению 74, а по классическому 274, да и из тех 74 реалистов 38 человек, подготовившись, сколько им было возможно, по латинскому языку, поступили в университет (29) и в медико-хирургическую академию (9), и только 14 занялись торговлею и на фабриках, а 6 поступили в высшие специальные училища (в Технологический институт 5 и в корпус путей сообщения 1), так

что с небольшим только одна четвертая часть из окончивших курс пошла по тому назначению, которое было указано в самом положении о реальном курсе третьей Московской гимназии» [29, с. 8-9]. В 1860-е гг. отмечалось также уменьшение числа учеников реальных гимназий, что ставило вопрос о целесообразности их существования.

Победа лоббистов классического образования привела к принятию нового устава гимназий 1871 г. Тогда же реальные гимназии были названы реальными училищами, чтобы отмежевать их от классических гимназий, как типа школ, готовящих к университетам, и получили новый устав. Оба устава, и гимназический 1871 г., и училищный 1872 г. значительно сокращали количество часов по естественным наукам. Гимназиям полагалось преподавание математики с физикой, географией (физической географией, которую тогда объединяли с физикой) и кратким естествоведением. На всё это выделялось 37 недельных часов за весь период обучения. Цифра, сопоставимая с латинским языком (49) и греческим (36) [СПМНП. Т. 5 (1871-1873). Штаты и приложения. С. 8]. Но из-за такой компоновки предметов выпускники естественных отделений не могли преподавать в гимназиях, так как в 1870-е гг. они уже не изучали математику, которая, очевидно, была основным предметом в этом цикле естественных и точных наук. В реальных училищах, впрочем, ситуация была ненамного лучше. В основном отделении при 28 часах математики полагалось по 6 часов естественной истории и физики (в двух старших классах) и 4 часа химии (последний год обучения), а в коммерческом, соответственно, 20 и 4, без преподавания химии вообще [СПМНП. Т. 5 (1871-1873). Штаты и приложения. С. 17-18]. Подобная ситуация говорила о том, что и в гимназиях, и в реальных училищах не требовались выпускники естественных отделений так, как требовались учителя математики. Эти вакансии (1 вакансия на училище, которых в 1878 г. было 67 и только в 41 имелся старший класс [14, с. 94], в котором, собственно, и преподавалась физика, химия и естественная история) вполне могли быть замещены выпускниками математических отделений, изучавшими естественную историю, так как и химия, и физика преподавалась

математикам. Альтернативой реальным училищам выступали учительские институты и семинарии, женские учебные заведения и городские училища, в которых преподавалась естественная история в небольшом объеме 4-8 недельных часов по всем классам.

В университетах о ситуации с преподаванием в средней школе были осведомлены, поэтому старались дать возможности именно студентам-математикам: «Опыт показывает, что на математический разряд поступают люди бедные, с целью приготовления себя к преподавательским должностям в гимназиях», – писал профессор астрономии Новороссийского университета Л.Ф. Беркевич в 1872 г. [РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 841. Л. 51]. С этой целью был изменен план преподавания в Харьковском университете в 1868 г., в который была добавлена экспериментальная физика, чтобы математики могли преподавать и математику, и физику, а естественники могли преподавать естественную историю и физику [РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 200. Л. 416об.]. В 1874 г., уже после появления новых уставов гимназий и реальных училищ, Харьковский университет просил ввести ботанику и зоологию для единственного в стране физико-химического отделения, чтобы его выпускники могли занимать места учителей естественной истории и химии в реальных училищах [РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 524. Л. 115]. Неудивительно, что число студентов-математиков превалировало над числом студентов-естественников до конца XIX в., за исключением краткого периода начала 1860-х гг., что объясняется взрывом популярности естествознания после публикации труда Ч. Дарвина (рис. 1).

В 1878 г. министерство подвело итоги замещения учительских вакансий за период существования новых уставов (1871-1877 гг.). Как и ожидалось, больше всего было вакансий учителей древних языков (619, на которые 463 было вновь поступивших, а 156 были замещены переходом или временно), а меньше всего было вакансий учителей естественной истории и химии (74, из которых 64 были вновь принятые на работу) [26, с. 10]. По математике и физике было 372 вакансии, из которых 288 вновь поступивших. Вакансии учителей естественной истории были преимущественно в реальных училищах, тогда как для учителей математики и физики выбор был шире.

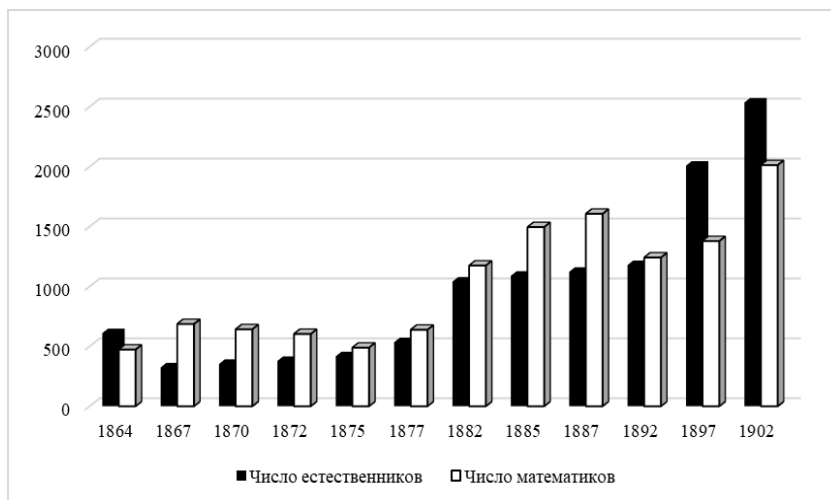

Рис. 1. Динамика численности студентов обоих отделений физико-математических факультетов во второй половине XIX века

Были приведены также данные по специальностям учителей, выпущенных разными университетами. Из 897 учителей основных предметов, являвшихся выпускниками русских университетов, 200 преподавали русский язык и словесность, 217 древние языки, 270 математику и физику, 60 естествоведение (с химией), 150 историю и географию [26, с. 36]. Т.е. 63,2% учителей были выпускниками истфилов (567) и 36,8% (330) – выпускниками физмата, из которых только 6,7% были естественниками. Любопытно, что из этих 60 учителей 1 был выпускником истфила, 1 юрфака и 2 медика [26, с. 38]. Впрочем, это работало в обе стороны, и выпускники физмата преподавали русский язык (3), историю и географию (9), новые языки (7). И только математику преподавали исключительно выпускники физмата. У математиков и естественников было не только разное количество учительских вакансий, но и разные места службы. Большинство вакансий по математике приходилось на гимназии и прогимназии (265), затем реальные училища (59) и учительские институты и семинарии (46), тогда как естествоведение преподавалось преимущественно в реальных училищах (37), учительских институтах и семинариях (28) и только потом в гимназиях

и прогимназиях (6) [26, с. 39]. Это говорит о том, что выпускники математических отделений имели безусловное преимущество в поиске учительской вакансии, чем выпускники естественных отделений, поэтому ошибочно записывать всех выпускников физико-математических факультетов в потенциальные учителя, как это сделала, например, В.Р. Лейкина-Свирская [18, с. 149-150].

В соответствии с повесткой министерства народного просвещения гимназии являлись основными поставщиками абитуриентов в университеты, которые в школе изучали преимущественно предметы историко-филологического факультета и математику. Двух часов естествоведения в неделю в 6 классе [33, с. 70] было явно недостаточно, чтобы хорошо изучить предмет. Несмотря на реформирование реальных училищ – единственной массовой альтернативы гимназиям, количество часов на естественные науки там тоже было незначительным. Согласно поправкам 1888 г. математика преподавалась во всех 6 классах по 4-5 часов в неделю (всего 28 часов за весь период обучения), физика – в трех старших классах по 2-3 часа (всего 8 часов), а естественная история – в III-V классах по 2-3 часа (всего 7 часов), не считая 3 часов математики и по 2 часа физики и естественной истории в дополнительном классе [СПМНП. Т. 11 (1889-1890). Стб. 1279-1280].

После победы сторонников классического образования в средней школе и учреждения историко-филологических институтов, помогавших университетам готовить необходимых специалистов, министерство народного просвещения, кажется, совершенно отбросило идею педагогической подготовки студентов физмата и истфила в университетах. На это жаловались в университетах и в конце века. «К сожалению, доныне преподавание в сих факультетах [историко-филологическом и физико-математическом] не представляет в их организации, сравнительно с прочими, никаких особенностей, которые отвечали бы специально педагогической цели приготовления учителей» [РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 977. Л. 126 об.], – писал декан физмата Харьковского университета А.С. Брио в 1893 г. Однако это не возымело никакого действия. Поэтому неудивительно, что при очередном обсуждении программ обучения и специализации физико-метаматематических факультетов уже

в 1900 г. подчеркивалось, что «средняя школа в настоящее время не дает той естественно-исторической подготовки, которую она давала прежде. Реформируйте сначала среднюю школу, пусть она даст слушателям физико-математического факультета надлежащую подготовку, и тогда, пожалуй, устраивайте физико-химическое отделение, но при теперешнем положении дела это отделение факультета будет не только лишним, но даже вредным» [РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 77. Л. 36].

Заключение

1. Подготовка учителей на физико-математических факультетах российских университетов до 1866 г. осуществлялась в специальных педагогических учреждениях (педагогические институты и педагогические курсы), которые, впрочем, не были обязательными для занятия учительских должностей в гимназиях, а тем более в других типах школ.

2. На протяжении XIX в. гимназии и другие типы школ испытывали потребность преимущественно в учителях математики и физики, на которые выделялось довольно большое количество часов независимо от гимназических уставов.

3. Реальное образование, которое предполагало большее число естественных наук, чем классическое, все же было больше ориентировано на технические учебные заведения и специально не готовило к поступлению на медицинские факультеты и естественные отделения физико-математических. Классические гимназии выпускали учеников еще менее подготовленных к изучению естественных наук.

4. У двух отделений физико-математических факультетов были разные цели. Именно математические отделения выпускали учителей, а естественные отделения с самого начала их существования не рассматривались министерством в качестве базы подготовки учителей естественных наук, так как в школах таких вакансий было значительно меньше, чем вакансий по математике. Именно по этой причине на естественных отделениях не было казенных студентов.

5. После закрытия педагогических курсов в 1866 г. в университетах была свернута и та минимальная педагогическая подготовка, которая существовала до этого. В отношении физико-математиче-

ских факультетов считалось, что точность математики не нуждается в специальных педагогических приемах.

6. Классические гимназии не готовили абитуриентов для изучения естественных наук в университетах, что негативно влияло на уровень подготовки студентов-естественников и порождало замкнутый круг, так как гимназии не нуждались в выпускниках естественных отделений.

Список сокращений

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

РГИА – Российский государственный исторический архив

ПСЗРИ-1, 2, 3 – Полное собрание законов Российской империи (1, 2 и 3 собрания)

СПМНП – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения

Список литературы

1. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
2. Багaley Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т.1: (1802-1815 г.). Харьков: Паровая тип. и литогр. Зильберберг, 1893-1898. 1204 с.
3. Багaley Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 2: (с 1815 по 1835 год). Харьков: Паровая тип. и литогр. Зильберберг, 1904. 1136 с.
4. Блинова О.В. Специфика социокультурного облика учительства этноконфессиональных школ Западно-Сибирского учебного округа (1880-1914 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2014. № 19. С. 88-97.
5. Бурдаков Д.В. Методика подготовки учителей начального образования в Российской империи во второй половине XIX в. // История: факты и символы. 2015. № 4 (5). С. 8-22.

6. Голенкова О.В., Лифанова Т.Е., Шилина С.А. Педагогические кадры в Брянском уезде Орловской губернии на рубеже XIX – XX веков: социально-социологический анализ // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 2 (43). С. 9-13.
7. Гончаров М.А. Подготовка педагогических кадров в России в XIX – начале XX в. // Преподаватель XXI век. 2011. №1. С. 129-140.
8. Гушель Р.З. Из истории становления мужской средней школы в России в 30-е – 70-е гг. XIX в. // Электронное научное издание Альманах Пространство и время. 2018. Т. 16. Вып. 1-2. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovgt_e-ast16-1_2.2018.42. <https://doi.org/10.24411/2227-9490-2018-11042>
9. Жилкибаева Р.Р., Насырова Л.Г. Менталитет и личная жизнь учительства провинциальных губерний во второй половине XIX – начале XX вв. // Клио. 2021. № 10 (178). С. 88-92.
10. Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. «Полезный класс государственных служащих»: к истории формирования российского учительства (по материалам Русского Севера) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 8. С. 65-74.
11. Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804-1904. Т. 2: (1814-1819). Казань: Типо-литогр. Имп. казанскаго ун-та, 1902. 698 с.
12. Змеев В.А. Педагогический институт Императорского Московского университета // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2009. № 1. С. 138-144.
13. Иванов А.Е. Главный Педагогический институт. 1828-1859 гг.: из истории подготовки российской профессуры // Вестник истории, литературы, искусства. 2014. Т. 9. С. 195-209.
14. Историко-статистический очерк общего и специального образования в России. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1883. 259 с.
15. Клевцова О.В., Жиров Н.А. Подготовка учительских кадров для народных школ Российской империи во второй половине XIX в. // Былые годы. 2020. № 58 (4). С. 2580-2587.
16. Краткий отчет о состоянии С. Петербургского университета, в течение первого четырехлетия, со времени преобразования Университета по Новому Уставу, с 1836 по 1840 год. СПб., 1841.

17. Курьлев С.А., Жуковская Т.Н. Главный Педагогический институт (1828-1859): проблемы административной и социальной истории // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10. № 7-17. С. 130-143.
18. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 366 с.
19. Магницкий М.Л. Православное просвещение / Сост., предисл. Минова А.Ю., имен. указ. Гришиной Е. П., коммент. Хатунцева С. В. / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. 528 с.
20. Магсумов Т.А. Становление средней профессиональной школы Казанского учебного округа в условиях модернизации Российской империи // Журнал фронтирных исследований. 2023. Т. 8. № 4. С. 230-276. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.506>
21. Мамкина И.Н. Проблемы профессиональной подготовки и деятельности учителя в восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: организационно-правовые основы // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12. № 2. С. 155-166.
22. Материалы по вопросу о приготвлении учителей для гимназий и прогимназий // ЖМНП. 1865. Ч. 126. Май. Современная летопись. С. 21-90.
23. Мнение факультетов Харьковского университета о разделении гимназий на классические и реальные и значение этого для университета // Протоколы заседаний Совета Императорского Харьковского университета и приложения к ним. 1865. №1. С. 23-34.
24. Никонов В.В., Денисов М.В. Особенности подготовки преподавателей для воскресных и церковно-приходских школ в российской империи в конце XIX – начале XX в. // Наука и школа. 2020. № 6. С. 97-103.
25. Носалевич М.И. Материалы для истории студенчества Харьковско-го университета за сто лет (1805-1905) // Ученые записки Императорского Харьковского университета. 1906. Кн. 3-4. С. 24-63.
26. О замещении вакантных мест преподавателей в средних учебных заведениях с 1871 по 1877 год включительно // ЖМНП. 1879. Ч. 203. Май. Современная летопись. С. 1-40.
27. О лицах, окончивших курс в наших университетах // ЖМНП. 1863. Ч. 118. Апрель. Официальные статьи и известия. С. 174-176.

28. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 года. М.: Изд-во МГУ, 2002. 414 с.
29. По вопросу о преобразовании реальных гимназий // ЖМНП. 1871. Ч. 155. Май. Современная летопись. С. 1-61.
30. По поводу отзывов, представленных Конференции Императорского Медико-хирургической академии о состоянии преподавания математики и физики в гимназиях ведомства Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1871. Ч. 154. Март. Современная летопись. С. 181-185.
31. Рождественский С.В. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII-XIX веках. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1910. 397 с.
32. Рыжов А.Н. Забытые традиции подготовки педагогов-магистров в России // Преподаватель XXI век. 2017. №4. С. 9-16.
33. Учебные планы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях Министерства народного просвещения: Пересм. и утв. г. министром нар. прос. на основании § 15 Устава гимназий и прогимназий, 8 июня 1877 г. СПб., 1878. 150 с.
34. Фролов С.В. М.И. Глинка в благородном пансионе при Главном Педагогическом институте (Санкт-Петербург): некоторые общие условия жизни и обучения // История и культура. 2015. № 13. С. 369-382.
35. Хамматов Ш.С. Роль Казанского университета в подготовке учителей средних учебных заведений (XIX – начало XX вв.) // Казанский педагогический журнал. 2009. № 11-12. С. 160-166.

References

1. Andreev A.Yu. *Russian universities of the 18th – first half of the 19th century in the context of university history of Europe*. Moscow: Znak, 2009, 640 p.
2. Bagaley D.I. *Experience of the History of Kharkov University (based on unpublished materials)*. Vol.1: (1802-1815). Kharkov: Zilberberg, 1893-1898, 1204 p.
3. Bagaley D.I. *Experience of the History of Kharkov University (based on unpublished materials)*. Vol. 2: (from 1815 to 1835). Kharkov: Zilberberg, 1904, 1136 p.

4. Blinova O.V. Specifics of the sociocultural image of the teachers of ethno-confessional schools of the West Siberian school district (1880-1914). *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedicheskogo muzeya* [The News of Omsk State History and Local History Muzeum], 2014, no 19, pp. 88-97.
5. Burdakov D.V. Methodology of training teachers of primary education in the Russian Empire in the second half of the 19th century. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: facts and symbols], 2015, no. 4(5), pp. 8-22.
6. Golenkova O.V., Lifanova T.E., Shilina S.A. Pedagogical staff in Bryansk uyezd of Orel province at the turn of 19th – 20th centuries: socio-sociological analysis. *Kazanskiy sotsio-gumatinary vestnik* [Kazan socio-humanitarian herald], 2020, no. 2 (43), pp. 9-13.
7. Goncharov M.A. Preparation of pedagogical staff in Russia in the 19th – early 20th century. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher 21st century], 2011, no. 1, pp. 129-140.
8. Gushel R.Z. From the history of the formation of men's secondary school in Russia in the 30s - 70s of the 19th century. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i vremya* [Electronic scientific edition Almanac Space and Time], 2018, vol. 16, no. 1-2. Stationary network address: 2227-9490e-aprov_r_e-ast16-1_2.2018.42. <https://doi.org/10.24411/2227-9490-2018-11042>
9. Zhilkibayeva R.R., Nasyrova L.G. Mentality and personal life of teachers of provinces in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Klio* [Clio], 2021, no. 10 (178), pp. 88-92.
10. Zhukovskaya T.N., Kalinina E.A. 'Useful class of public servants': to the history of the formation of Russian teaching (on the materials of the Russian North). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], 2023, vol. 45, no. 8, pp. 65-74.
11. Zagoskin N.P. *History of the Imperial Kazan University for the first hundred years of its existence, 1804-1904*. Vol. 2: (1814-1819). Kazan: Imperial Kazan University, 1902, 698 p.
12. Zmeev V.A. Pedagogical Institute of the Imperial Moscow University. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie* [Lomonosov Pedagogical Education Journal], 2009, no. 1, pp. 138-144.

13. Ivanov A.E. Main Pedagogical Institute. 1828-1859: from the history of Russian professorship training. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva* [Herald of History, Literature, Art], 2014, vol. 9, pp. 195-209.
14. *Historical and Statistical Essay of General and Special Education in Russia*. St. Petersburg: Kirshbaum, 1883, 259 pp.
15. Klevtsova O.V., Zhirov N.A. Preparation of teaching staff for public schools of the Russian Empire in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*, 2020, no. 58 (4), pp. 2580-2587.
16. *Brief report on the state of St. Petersburg University, during the first four years since the transformation of the University according to the New Statute, from 1836 to 1840*. St. Petersburg, 1841.
17. Kurylev S.A., Zhukovskaya T.N. Main Pedagogical Institute (1828-1859): problems of administrative and social history. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Centre of RAS], 2019, vol. 10, no. 7-17, pp. 130-143.
18. Leikina-Svirskaya V.R. *Intelligentsia in Russia in the second half of the 19th century*. Moscow: Mysl, 1971, 366 p.
19. Magnitsky M.L. *Orthodox Enlightenment*, dd. by O. A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilisation, Native Land, 2014, 528 p.
20. Magsumov T.A. The Emergence of Secondary Professional Education in Kazan Educational District in the course of the Russian Empire Modernization. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2023, vol. 8, no. 4, pp. 230-276. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.506>
21. Mamkina I.N. Problems of professional training and teacher's activity in eastern Siberia in the second half of 19th – early 20th century: organizational and legal foundations. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Zabaikalsky State University], 2017, vol. 12, no. 2, pp. 155-166.
22. Materials on the preparation of teachers for gymnasiums and progymnasiums. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvescheniya* [Journal of Ministry of Public Education], 1865, part 126, May, Contemporary chronicle, pp. 21-90.
23. Opinion of the faculties of the Kharkov University on the division of gymnasiums into classical and real and its significance for the university.

- Protokoly zasedaniya Soveta Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta* [Protocols of the sessions of the Council of the Imperial Kharkov University and their appendices], 1865, no. 1, pp. 23-34.
24. Nikonov V.V., Denisov M.V. Features of teacher training for Sunday and parochial schools in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century. *Nauka i shkola* [Science and School], 2020, no. 6, pp. 97-103.
25. Nosalevich M.I. Materials for the history of students of Kharkov University for a hundred years (1805-1905). *Uchenye zapiski Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta* [Scientific Notes of the Imperial Kharkov University], 1906, Book 3-4, pp. 24-63.
26. On filling vacant teaching positions in secondary schools from 1871 to 1877 inclusive. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvescheniya* [Journal of Ministry of Public Education], 1879, part 203, May, Contemporary chronicle, pp. 1-40.
27. On persons who have completed a course in our universities. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvescheniya* [Journal of Ministry of Public Education], 1863, part 118, April, Official articles and news, pp. 174-176.
28. Petrov F.A. *Formation of the University Education System in Russia*. Vol. 1: Russian Universities and the Charter of 1804. Moscow: MSU Printing House, 2002, 414 p.
29. On the issue of transformation of real gymnasiums. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvescheniya* [Journal of Ministry of Public Education], 1871, part 155, May, Contemporary chronicle, pp. 1-61.
30. Regarding the reviews presented to the Conference of the Imperial Medical and Surgical Academy on the state of mathematics and physics teaching in gymnasiums of the Ministry of Public Education. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvescheniya* [Journal of Ministry of Public Education], 1871, part 154, March, Contemporary Chronicle, pp. 181-185.
31. Rozhdestvensky S.V. *Materials for the history of educational reforms in Russia in the 18th and 19th centuries*. SPb.: Publishing House 'Public Utility', 1910, 397 p.
32. Ryzhov A.N. Forgotten traditions of teacher-magister training in Russia. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher 21st century], 2017, no. 4, pp. 9-16.
33. *Curricula of subjects taught in men's gymnasiums of the Ministry of Public Education: Reconsidered and approved by the Minister of Pub-*

- lic Education on the basis of § 15 of the Statute of gymnasiums and progymnasiums, 8 June 1877, St. Petersburg, 1878, 150 p.*
34. Frolov S.V. M.I. Glinka in the noble boarding school at the Main Pedagogical Institute (St. Petersburg): some general conditions of life and education. *Istoriya i kul'tura* [History and Culture], 2015, no. 13, pp. 369-382.
35. Khammatov S.S. Role of Kazan University in the training of secondary school teachers (the 19th – early 20th centuries.). *Kazanskiy Pedagogicheskii zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2009, no. 11-12, pp. 160-166.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Жарова Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
наб. Университетская, 5б, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
zharova_ekaterina@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Yu. Zharova, Doctor in History, Senior Researcher
Institute for the History of Science and Technology
5b, University emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
zharova_ekaterina@bk.ru
SPIN-code: 7739-6094
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3404-0759>
ResearcherID: R-9419-2019
Scopus Author ID: 57190880856
Academia.edu: <https://independent.academia.edu/ЕкатеринаЖарова>
ResearchGate: <https://www.researchgate.net/profile/Ekaterina-Zharova-3>

Поступила 28.06.2024
После рецензирования 15.07.2024
Принята 05.08.2024

Received 28.06.2024
Revised 15.07.2024
Accepted 05.08.2024